

894.342-1

А131

к

АБАЙ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

АБАЙ
КУНАНБАЕВ

АБАИ КУНАНБАЕВ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

Переводы с казахского

Алма-Ата
«Жазушы»
— 1985 — г.

Каз 1
К 91

Состав и т е л ь
доктор филологических наук
А. Л. Жовтис

Гравюра *К Ходжикова*

Кунанбаев **Абай**.
К 91 Избранные стихи. Пер. с каз.
/Сост. А. Л. Жовтис.— Алма-Ата:
Жазушы, 1985.— 168 с, портр.

В книгу вошли русские переводы избранных
стихов классика казахской литературы.

47022301000—003

К

402(05)—85

164-84

Каз 1

© Составление. оформление. ГИЖТГ 1985 г.

*В душу взглядись глубже, сам собою побудь:
Я для тебя загадка, я и мой путь.
Знай, потомок, дорогу я для тебя открывал.
Против тысяч сражался — не обессудь!*

АБАЙ

С такими словами обратился Абай к будущему поколению. Такими сердечными строками говорил о грядущем поэт, прокладывая тропу из мрачных веков минувшего к иному, светлому будущему. Он нес во мраке невежества, окутывавшем казахские степи, яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет его солнце.

МУХТАР АУЭЗОВ

* * *

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок — добудет лису в горах.
Вот находка в пути: удобный наряд,
Конь хороший, да спутник, забывший страх,
Да лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

У подножья горы — охотников сбор.
Всадник с беркутом скачет во весь опор.
Он сорвет клобучок у беркута с глаз —
Беркут крылья расправит, глядя в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» —
Так подумав, он взмоет к вершинам гор.

«Не спасет меня бегство», — лиса поймет,
И замрет она вдруг и раскроет рот,
Заскрежещет зубами и глянет вверх:
И она хочет жить, у нее — свой расчет!
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса — из мощных врагов
Сразу в дело пускает сорок клинков.
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков.
Зашумит он крылами и полетит,
Устремится на землю из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Та — • царица земли, тот — небесный царь.
Захотел человек — и эти цари
Бьются насмерть... А снег ослепительно бел.
Черен беркут, лисица красна... Смотри!

Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом.
Эта битва тебе напомнить должна

Жениха и невесты первую ночь.
На постели им тесно... Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул ее под собой.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
И, гордясь победой над хитрой лисой,
Победители стать на отдых не прочь.

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Захвати в добычу три косяка!»

Ты доволен и рад. Стряхнув малахай,
Ты кладешь за губу щепоть табака.
Сколько ягод в горах — пусть будет лисиц,
Чтоб охотника доля стала сладка.

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В бренном мире нет мне занятия милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого проницательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

1882

Белый лоб — серебро, чей тонок чекан,
Он глазами лучистыми осиян.
Тонко вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос ее — словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет ее щек румян!
Ожерельем жемчужных ее зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий ее — как дробь соловья.
В мудрой речи ее не гостит обман.
Шелк завидовать может шее такой.
Кто в ее подбородке сыщет **изъян?**

Как тонки очертанья точеных плеч!
Тут и свеж этих юных грудей шафран.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан.

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть — нежный младенец, что всеми ждан,
А смолистые **косы** — **волнистый** шелк,
Что для радости взора прилежно ткан.

Перевод *М. Тарловского*

Чей же цвет не увял от ранних страстей?
Вероломны красавицы наших дней,
И годам к восемнадцати желт и вял
И уже не желанен шафран грудей.
Лицемерны личины иных блудниц:
Добродетельней нет, мол, и нет святей.
Но немало таких, что всем напоказ,
Щеголяют распущенностью своей.
Знаем скромниц мы этих, забывших счет
Удальцам, что недолго ждут у дверей.
Тут бывает порой неплохой джигит,
Не кричит он везде о победе своей.
А иной — пусть бесстыжий, грубый хвастун,—
И таких принимают девы гостей.
Хоть таким не сойти за честных людей,
Хоть такие к безделью всего склонней,
Хоть иной разглагольствующий джигит
Не дороже хвастливых своих речей.

Перевод *М. Тарловского*

1884

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на **левой** — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

Ты и с виду неплох, и числом велик.
Почему же так обманчив твой лик?
Ты не хочешь добрым советам внимать,
Режет всех без разбора твой серп-язык.

Власть не можешь явить над своим добром.
Спишь тревожным сном и тревожишься днем.
То заносчив, а то с обидой глядишь,
Постоянен в непостоянстве **одном**.

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ.
Не надеюсь на **исправленье** твое,
Коль судьбу свою в руки народ не берет.

Родич с родичем спорят из-за пустяков.
Богом отнят **их разум, удел их таков!**
Ни единства, ни чести; везде разлад.
Стало меньше в степях табунов, косяков.

Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя,
В униженье, в страхе ты будешь всегда.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости **нет.**
Разве можешь ты быть доволен собой?
Если кто-либо верный укажет путь,
Ты его клеймишь неразумной хулой.

1886

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгует медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому — хлеб.
По душе найдется каждому товар.

Стар и млад стремятся утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг **слов моих**.
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Многим не по сердцу мой словесный дар.
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Пусть не всем по нраву то, что говорю,
Все ж охватит слово души, как пожар.

Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль стар.
И прими как должно мой смиренный дар.
«Жемчуг псу не **нужен**», — мудрость говорит.
Поговорку эту знает и школяр.

1886

Перевод *Л. Шифферса*

ЛЕТО

Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы
Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки,
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливые стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криками оглашая
Степной простор далеко вокруг,
Женщины юрты ставят ловко.
Видны уверенность и сноровка
В плавных движениях их белых рук.

Бай, объехав свои отары,
Довольный скотом и самим собой,
На статном коне трусит домой
К закипающему самовару.
Хозяйка льет из сабы кумыс,
Уже домочадцы в кружок сошлись,
А мальчик, посланный батраками,
Вертится рядом, ластясь к маме,
Просит: «Мяса им тоже дай!»
В тени навеса готовят чай,
И в ожиданьи горячего чая,
На кошмах важно усевшись, бай
Ведут беседу между собой.
Пока один, не в меру болтливый,
Трещит не смолкая, другие учтиво
Кивают рассказчику головой.
Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: «Отгоните скот!»
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.
Табунщики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга,—
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если выпущенный из рук
Стремительный беркут ввысь взовьется
И крупного селезня схватит вдруг...

Что было — прошло и уже не вернется
К бедняге, дряхлому старику.
Он сделал все на своем веку
И, праздно стоя на берегу,
В угоду юношам громко смеется
1886

Перевод А. *Жовтиса*

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спохватился, да поздно. Вот он, привал!
Полузнайка — я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.,

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы **союз.**

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи,
То, что мы любовью и дружбой зовем,—
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба — дар миродержца, вечная связь,
Речи друга с души твоей смоют грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мною глумясь.

Я ищу эту дружбу — нет **никого**.
Кровью сердца зову — повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга — ни одного!

1886

Перевод *А. Штейнберга*

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу,—
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры, —
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блистать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые **богом**.

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теша встречных
лестью,
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвостун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

/

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота,
Затеяв драку: «Бей,— кричит,— врага!»—
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, **гордость** — не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи,
Не ищут **знанья**, — лишь в слепой возне.
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

1887

Перевод *В. Звягинцевой*

ОСЕНЬ

Тучи мрачно окутали весь небосвод —
Это осень в дождях и туманах ползет,
И застывшую землю, от стужи дрожа,
Кобылица напрасно копытом скребет.

Нет уж больше травы на просторе степей,
Смеха больше не слышно и гама детей,
А деревья, иссохшие, как старики,
Тянут к небу безлистые руки ветвей.

Уж дымится с овечьими шкурами **чан** —
Износилась одежда, весь в дырках чапан,
Чинят женщины юрту, заплаты кладут,
И старухи свой ткацкий наладили стан.

Журавли в теплый край вереницей летят,
Голодают верблюды и грустно глядят,
Приуныли аулы — куда ни пойдешь,
Не услышишь веселого смеха ребят.